

Кавказская политика Центра

Деньга Халидов,

руководитель Центра проблем
этнополитики и ислама
при Академии геополитических проблем,
эксперт Госдумы ФС РФ

Насколько политика Федерального центра (ФЦ) на Кавказе адекватна и непротиворечива?

Ответ на этот ключевой вопрос не однозначен. Неоднозначность такого ответа сочетается с противоречивостью, стратегической “аморфностью” политики ФЦ в целом по стране.

Ясно, что такая политика носит слишком явный отпечаток наследия 90-х годов. Она отражает влияние “старых”, наработанных связей и силы либерального “крыла” вкупе с “семьей” в высших коридорах власти.

Но предмет нашего анализа ограничен, главным образом, российским Кавказом. На таких материалах наглядно можно продемонстрировать противоречивость (зачастую, сознательно направляемую) и неадекватность политики Центра. Причем, противоречивость, выгодную стратегическим соперникам России – НАТО и США, давно уже объявивших Кавказско-Каспийский регион зоной своих интересов.

Безусловно, Президент страны и его команда в последние годы пытаются внести “свежую струю” в региональную политику. На лицо желание нейтрализовать (и ликвидировать) неинтегративную практику, сменить вектор кадровой политики, избавляясь от коррумпированных фигур. Есть стремление обеспечить в максимально возможной степени непротиворечивость и интеграционный характер принимаемых мер.

В ряду таких мер и последние (2006 г.) “назначения-выборы” глав республик в Дагестане и Кабардино-Балкарии: М. Алиев и А. Карноков – личностей широко известных своей безупречной репутацией. В этом же ряду меры по интеграции в мирную жизнь бывших боевиков из числа радикально настроенных против местных режимов молодых мусульман. Имеются также “сигналы”, свидетельствующие о некоторой “ревизии” антиинтеграционной шумихи вокруг Кавказа. Как представляется этих шагов совершенно недостаточно и нет никаких оснований для самоуспокоения.

История проблемы (90-е годы XX – начало XXI вв.)

В первые об антиинтегративном и провокационном характере федеральной политики в регионе заго-

ворили еще в 1992 г. в связи с событиями в Чечне. Кремль и Белый дом тогда обвинялись в сознательной де-

стабилизации региона. В то время громадное количество вооружений СССР было оставлено дудаевскому режиму. Логика подобного “умиротворения” мятежного генерала обернулась таким образом, что именно этот шаг Кремля создавал будущие условия для вооруженного конфликта и дестабилизации всего региона.

Разумеется, такую интерпретацию мотивов поведения Кремля решительно опровергали Е.Гайдар и К° и близкие к власти эксперты.

Но и разумных аргументов в оправдание подобной, безответственной политики они не могли привести. Ибо ссылки на нерешительность и страх, вызванный опасениями больших жертв в случае попытки федеральных властей вывести оружие, выглядели бы еще более неубедительными в устах государственных “мужей”.

Еще одним свидетельством противоречивости политики ФЦ в регионе являлось негласная поддержка “сверху” некоторых этнополитических движений, деятельность которых порой серьезно дестабилизировала ситуацию.

Один из экспертов, Т.Толгуров, анализируя политику Кремля в регионе в 1993–1996 гг., писал: “...в высших эшелонах власти России существует весьма влиятельная группа политиков, которая, стремясь к сохранению целостности страны, полностью игнорирует интересы граждан и этносов... Сознательно пойдя на инициацию в республиках сепаратистских течений, эти силы одновременно развернули бурную деятельность, основными целями которой были нарушение системы власти на местах, деструкция вертикали государственного управления в республиках и усиление роли и значения Центра”¹.

В таком же контексте рассматривались и далеко небезупречные в по-

литическом и правовом отношении федеральные шаги по возрождению казачества.

Не вполне адекватно и в достаточной степени противоречиво, выглядела политика Центра и в период первой чеченской кампании (1994–1996 гг.) в сочетании с двусмысленным характером её информационного освещения.

Это было тем более странно наблюдать, если учесть, что на протяжении 2–3-х лет федеральные СМИ (в особенности, “демократические”) сделали все, чтобы демонизировать Чечню и регион в целом. Таким образом подготавливая общественное мнение страны к возможному силовому способу решения чеченской проблемы.

Позднее, Дудаев признавался, что для него была полной неожиданностью решение Кремля вести вооруженные силы в республику. А его попытки пойти на переговоры с Ельциным блокировались еще на ранних стадиях.

Очевидно, что круг лиц, ответственных за политику в регионе, явно подталкивал Кремль на силовой вариант, совершенно не представляя долгосрочные последствия подобной авантюры.

Возможно имело место и сознательное превращение Чечни в долгосрочный и постоянно действующий “мощный” фактор, управляя которым можно решать проблему власти на уровне ФЦ.

Еще более очевидными были признаки раздвоения в федеральной политике, когда дело касалось Абхазии.

Хотя Абхазия, строго говоря, и не относится к российскому Северному Кавказу, но по признакам этнокультурной и исторической бли-

зости, по политическим последствиям в регионе включение непризнанной республики в наш анализ вполне оправдано.

Подробно исследовался этот аспект политики Москвы в период абхазо-грузинской войны 1992–1993 гг. в статье “Абхазская трагедия и Кавказ в большой политике”².

В ней приводились убедительные доказательства сговора между первыми “демократами” бывшего Союза – Шеварднадзе и Ельциным (летом 1992 г.) о сдаче Абхазии на заклятие абсолютно незаконному и нелегитимному режиму в лице так называемого Госсовета Грузии.

Впоследствии, Ельцин, вопреки геополитическим и оборонным интересам страны продолжал двусмысленную политику на абхазском направлении, ставя порою в тупик МИД (министр Е.Примаков) и Минобороны РФ.

Генерал-полковник Л.Ивашов писал по этому поводу в середине 90-х годов: “В чем то военным и дипломатам-государственникам удавалось продвигать истинно российские позиции в переговорных процессах. Но, в конечном счете, превалировали групповые, клановые и алчные интересы и в Грузии, и в Чечне...”

В частности многомесячный труд дипломатов и военных по грузино-абхазскому урегулированию, согласованный со всеми представителями государств СНГ, в том числе и с министром иностранных дел Грузии, на Совете глав государств СНГ (Кишинев, 1998 г.), в одночасье был перечеркнут репликой Б.Ельцина, брошенной в адрес Е.Примакова: “Я не согласен с Вами, и согласен с предложениями Эдуарда Амбросиевича. Идите, дорабатывайте документ”³.

Более “мягкие” формулировки неадекватности и противоречивости политики Кремля в регионе изложены в работах эксперта из Абхазии Л.Тания, которая отмечает, что в течении 10 лет “Россия собственными руками выдавливая свои интересы из Закавказья, осуществляя экономическую блокаду Абхазии... Стремление удержать Грузию в орбите российского влияния формировало непоследовательный внешнеполитический курс России”⁴.

Известный по кавказско-каспийской проблематике эксперт Дегоев В. на протяжении многих лет пытается “достучаться” до МИД и аппарата президента РФ, предлагая нетривиальные подходы к решению региональных проблем с учетом геополитических интересов России.

Таким образом, в 90-е годы прошлого века отчетливо проявлялась неопределенность федеральной политики в регионе.

Можно говорить даже о наличии нескольких субъектов, которые продолжали “гнуть” противоречащие друг другу линии. Дилетантизм и “демократический романтизм” политики козыревского МИД, проводимой на грани саботажа и предательства и поддерживаемой первой волной демократов, лишь отчасти нейтрализовывались державным “инстинктом” генералов Минобороны и государственных установками лево-патриотического парламента России.

Позднее, при Е.Примакове, когда линия МИД на северокавказском направлении выправилась, добавился еще один деструктивный фактор в лице Березовского, занявшего ключевой пост в Совете Безопасности России.

Все более очевидным становилась также собственная *деструктивная логика развития* федеральных и региональных институтов власти на Северном Кавказе, когда корпоративные интересы превалировали над подлинно государственноческими. “Автономное” функционирование в регионе таких институтов, как МВД, прокуратура и некоторых спецструктур приводило, в конечном счете, к превращению конфликта в *перманентный фактор* оправдания наращивания сил и упора на “чисто” силовые методы.

Коррупция и теневой политорг

Сложившаяся в 90-е годы прошлого века коррупционная практика взаимоотношений ФЦ с республиканскими элитами представляет до сих пор серьезный негативный фактор, влияющий на ситуацию в регионе. И это несмотря на последние кадровые назначения Президента страны в регионе. Ибо и Правительство РФ, и правоохранительная практика, и силовые структуры все еще продолжают функционировать в относительно “автономном” и меркантилистском режиме. Часть федеральных чиновников, связанная коррупционными узами с региональными правящими группами, объективно заинтересована в *отвлечении* общественного внимания от серьезных недостатков и ошибок в своей работе, а также в *демонизации* региона.

Попытку такой демонизации и “перевода стрелок” на местные власти со стороны руководителей силовых и правоохранительных структур РФ решительно отверг президент Дагестана М.Алиев на региональном совещании в ЮФО в Ростове-на-Дону (август 2006 г.). Он недвусмысленно обвинил высокое начальство в покровительстве браконьерству, теневой и “черной” экономике в республике. Обвинение, брошенное в лицо федеральным министрам, осталось без ответа.

Именно практика “теневого политорга” прочно укоренившаяся за 90-е годы окончательно развратила республиканские элиты, в особенности – на Северном Кавказе. Здесь очень высока роль *скрытой* (“беловоротничковой”) и *“синеворотничковой”* преступности, связанной с коррупцией “верхов” и уводом или бегством экономики в тень.

Ряд республик региона смело можно включить в первую десятку “передовиков”

страны по этому показателю. Косвенные индикаторы высокой степени по сравнению с другими регионами распространения этого негативного явления налицо.

Один из ключевых индикаторов – это доля налогов и прочих сборов в валовом региональном (республиканском) продукте (ВРП), который косвенно отражает скрытый увод в тень налогов и бюджетных средств, в 90-х годах прошлого века и в 2000–2002 гг. колебался в пределах 7,0–9,0% в Дагестане и Ингушетии и 12,5–14% в КБР и РСО-Алания. (Данные по Ингушетии приводятся лишь по 2000–2002 гг). Тогда как по стране в целом этот же показатель в среднем составлял порядка 20 %.

Лишь в 2006 г. наступил перелом, к примеру в Дагестане и КБР, что связано со стилем руководства новых глав республик. Кроме того, усилиями полномочного представителя Президента РФ в ЮФО, Д.Козака эта тема приобрела острое звучание в “верхах”.

Аналитические справки по региону в целом и отдельно по Дагестану, составленные комиссией ЮФО, раскрыли совершенно неприглядную картину в том, что касается реальных факторов нестабильности и социальной неустроенности, коррупции и безнравственности властей, хищений бюджетных средств и широкого развития теневого сектора.

В сентябре 2005 г. на заседании Комиссии по социально-экономическому развитию Северного Кавказа (в Ставрополе) Д.Козак заявил, что ущерб от теневого обращения средств только по югу России в 2004 г. составил около 50 млрд руб. В то же время финансовая помощь и дотации из федерального бюджета всем субъектам ЮФО составили около 47 млрд руб.

“Если анализировать цифры, то Южный федеральный округ – недотационный”, – подытожил полпред президента, добавив, что теневой сектор в регионе достиг таких

масштабов, что можно говорить о создании "параллельного экономического пространства, а по сути и параллельного политического пространства".

Что касается правоохранительной сферы в регионе, то ситуацию в ней Д.Козак охарактеризовал как "воиющую" и требующую хирургического вмешательства.

Именно эти проблемы волнуют местное население более всего, которое надеется все еще на Москву. И, тем не менее, ФЦ не спешит проводить то самое "хирургическое вмешательство" в правоохранительной сфере, о котором говорил Д.Козак и которого действительно ждут на местах. Здесь очевидна как нерешительность Кремля, пасующего перед силой федеральных "правоохранителей" и силовиков, так и инерция антисистемного разрушительного для Федерации вектора в деятельности госструктур, "зараженных вирусом" разложения. Разумеется, при этом неизбежна эрозия легитимности Центра в регионе. В этом-

то и состоит опасность ситуации и ее динамики.

Анализ этой динамики позволяет реконструировать некоторые ключевые элементы мотивации подобной политики ФЦ и их трансформацию за последние 10–15 лет.

"От несистемных и противоречивых шагов по восстановлению государственного единства к коррупционной модели взаимодействия и теневому торгу с республиканскими элитами → От коррупционной модели, к доминированию антисистемы и антиинтеграционной практики в регионе- не (о чем мы поговорим подробнее ниже) → От антиинтеграционной практики и коррупционной модели к почти полному разбалансированию федеральных структур и перерождению государственных институтов в регионе → От негативной трансформации в деятельности госинститутов к формированию параллельного теневого социально-экономического и политического "мира" – "внутреннего зарубежья" в России".

Таков неутешительный итог эволюции федеральной политики за последние 10 с лишним лет.

О "поглощении–слиянии" субъектов РФ в регионе

Очевидно, что 89 субъектов Федерации – это очень много и не оптимально с точки зрения государственного управления.

Северный Кавказ – специфический регион, где одна мысль о "слиянии–поглощении" вызывает бурю эмоций. Однако федеральная власть и здесь умудряется на "ровном месте" создать новый очаг напряжения, вкладывая эту не бесспорную (применительно к региону) идею в уста местных политиков.

На Северном Кавказе впервые эту идею стали озвучивать, как ни странно, чеченские политики.

Еще в начале 2004 г. Т.Джабраилов, председатель Госсовета ЧР, человек но-

вый в политике, "смело" озвучил идею поглощения Ингушетии Чечней, а затем ни много, ни мало и объединения "всех республик региона в Северо-Кавказский край"(?!).

А-Х.Султыгов, экс-уполномоченный президента страны в Чечне по правам человека также вспомнил о почившей в бозе еще в 20-е годы XX в. Горской (советской) республике.

А недавно инициативу подхватил и губернатор Краснодарского края Ткачев, указав на Республику Адыгею как на объект будущего поглощения краем, чем вызвал бурю протестов среди адыгов как в России, так и за рубежом в Турции, где проживает обширная (несколько сотен тысяч человек) и влиятельная диаспора. "Помимо заявления Ткачева, – пишет эксперт А.Суриков – в последнее время участи-

лись и другие поползновения на адыгскую государственность...

Как считает "Черкесский конгресс", приведение правовых актов республик в соответствие с федеральным законодательством – лишь подготовительный этап к "укрупнению субъектов Федерации" за счет ликвидации национальных республик. А это, по мнению лидеров организации, неизбежно обусловит появление новых очагов напряженности в ранее спокойных регионах".

Президент Ингушетии М.Зяиков в выступлении по республиканскому ТВ оперативно среагировал на такую инициативу соседей, заявив, что пока он президент, слиянию с Чечней не быть.

Еще менее жаждут этого в Дагестане. Можно не сомневаться, что в местных обществах эта инициатива Кремля будет встречена крайне отрицательно и даже может спровоцировать массовые выступления и беспорядки.

Все это вполне в духе планов губернизации по Жириновскому и доведения числа регионов до 28–30 ед.

С большим удовольствием озвучивают их и правые националисты из розогинской "Родины".

Народные массы в республиках-кандидатах на слияние-поглощение пока безмолвствуют.

Но это обманчивая тишина. Для "титовых" наций в республиках эта форма государственности в рамках Федерации – не просто пустой звук.

Это и символ исторической преемственности государственности, порою, не менее древней, чем российская. Это и форма, в рамках которого, они вправе реализовать свою автономию и не только культурно-языковую, но и гражданскую, и политическую.

И те, кто говорят о ликвидации нацреспублик попросту плохо усвоили чеченский опыт. Вернее, усвоили его с точностью до "наоборот". Можно не сомневаться: при первых

реальных сигналах по "слиянию-поглощению", площади столиц в Ингушетии и Дагестане, да и в других республиках моментально заполняют массы протестующих.

Как правило, благая идея по сокращению субъектов Федерации в России начинает мутировать, приобретая абсурдные, провокационные, почти деструктивные формы. Очевидно, что кое-кто жаждет погрет руки на грандиозных проектах.

Еще в середине 90-х годов академик РАН Александр Гранберг и Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Минэкономразвития и РАН РФ представили в администрацию Президента революционный проект по сокращению субъектов РФ до 25–28 ед. Просчитали лишь экономико-географические факторы, да забыли про "овраги" – политические, культурно-исторические и ментальные. А "овраги" эти действительно огромные⁵.

Помнится в 60-е годы муссировалась идея формирования "единого советского народа" с тотальной унификацией всех и вся в огромной стране. Но потом адепты столь радикальной идеи постепенно замолкли, пристыженные, возможно, и крылатыми фразами (о готовности покинуть эту жизнь, "если завтра умрет мой родной язык". Из стихотворения "Родной язык" Р.Гамзатова). Тогда, когда все были убеждены в безоговорочной поддержке идеи "сверху", этот крик души настоящего поэта-мудреца всколыхнул общественность, раскрепостил трусливых и прорвал "шлюзы" молчания. Стало очевидно, что идея то вовсе и не спущена "сверху". Как следствие, похороны идеи прошли без лишнего шума.

Так, что остается ждать тревожных "сигналов" от отечественной интеллигенции или VIP-персон из политической элиты, дабы остановить не в меру ретивых ликвидаторов национальных республик в регионе, пока они не спровоцировали в стране великие потрясения.

“Кавказо-” и исламофобский PR – еще один метод антиинтеграции

Итак, анализ показывает, что федеральная политика в регионе далека от того, чтобы быть цельной и непротиворечивой по характеру. С одной стороны, мы видим меры по *интеграции* вроде символических жестов из Москвы, в виде экономики дотаций, а также некоторых элементов (не встроенных в цельную систему) информационной пропаганды по гостелевидению.

Это неумеренный “пиар” вокруг семьи Кадырова и репортажи об успехах в мирной жизни Чечни. Разумеется, в этом же русле лежат меры, хотя и не все, по борьбе с терроризмом и другие шаги ФЦ.

С другой – очевидна неинтегративная практика, провоцирующая отчуждение и сепаратизм в регионе и, в целом, умножающая межэтническое и межконфессиональное напряжение в обществе. Выявить подобные тенденции возможно только при изучении реальной практики борьбы с сепаратизмом и экстремизмом в регионе, а также при анализе передач федеральных СМИ, затрагивающих этноконфессиональные аспекты.

Что же показывает этот анализ?

Еще в 2001 г. на парламентских слушаниях в Госдуме, посвященных теме “СМИ и национальная политика в РФ”, были озвучены тревожные выводы о русофобском и кавказофобском, дезинтеграционном и, в целом, раскалывающем по живому наше общество характере работы большинства либеральных средств информации, включая и гос-ТВ.

Для нелиберальных СМИ национальное многообразие страны, традиционные ценности и общественные идеалы оказываются, как правило, скорее пустыми абстракциями и

досадными помехами на пути успешного строительства капитализма. Проблема усугубляется еще больше тем, что та узкая, но очень сплоченная “корпорация” претендентов на роль властителей дум в России потеряла всякую осторожность и уже редко демонстрирует привычную для культурной элиты корректность. Особенно это касается кавказской или исламской тематики.

Несистемность и несогласованность, противоречия между отдельными федеральными шагами в регионе дают некоторым экспертам основание делать вывод о сознательной стратегии вытеснения Северного Кавказа из общероссийского пространства, о заказном характере подобной политики, реализуемой определенной частью информационной элиты страны.

С начала 90-х годов прошлого века усилиями либеральных фундаменталистов общественное недовольство реформами в стране стало канализироваться в вполне определенное русло. Оно идентифицировалось с так называемыми “лицами кавказской национальности”, якобы “оккупировавших” торгово-коммерческую нишу. Криминальные хроники на ТВ с тех пор при каждом удобном случае стали напоминать телезрителям этническую принадлежность “героев” своих репортажей. А нынче к сухим репортажам ксенофобского характера добавились и кино-телебоевики с плохо скрываемыми исламофобскими и античеченскими или антикавказскими мотивами, заполнившими отечественные экраны.

Безусловно, проблема эта действительно была актуальной, но не более чем та, которую создавали для общества солнцевские, курганские, тамбовские и прочие десятки и сотни преступных сообществ, заполнивших страну.

Но на порядок более актуальной была проблема последствий от приватизации и скрытого грабежа страны, учиненного новой реформаторской “элитой”. В привлечении общественного внимания к кавказской или мигрантской теме была своя скрытая логика. “Стрелки” негодования людей переводились на другой и более осязаемый объект в лице выходцев с Кавказа и южан, в целом.

Кроме того, сознательно культивировался обобщенный, без дифференциации на Закавказье и Северный Кавказ – часть РФ, образ кавказца. Тогда как выходцы с российского Кавказа значительно отличаются от закавказских гостей России по своим ценностным установкам и стереотипам поведения. Это кажется мелочью только на первый взгляд. Ибо налицо установка на провоцирование отчуждения вообще ко всем выходцам с Кавказа, в том числе и – из субъектов Федерации.

Манипуляции со статистикой оргпреступности, экономической и прочей, растиражированные на ТВ и в либеральной прессе, разумеется, немедленно приводили к росту антикавказских настроений в обществе. Собственно, инструментальная роль кавказофобского “пиара” заключалась также в решении этой задачи – как составного элемента стратегии управляемого конфликта (хаоса). Ее теорию и практику наши западники успешно осваивают нынче. “Правда жизни” при подобной инфорполитике оказывалась густо замешанной на лжи и новых мифах. Демонизировалась преступность с чеченской, дагестанской и другой кавказской “физиономией”.

Как признавались автору тележурналисты, обслуживающие федеральные каналы на Северном Кавказе, московские заказчики ставили перед ними четкие задания. Например, “побольше кровавой “клубнички”,

насилия и никакого позитива из региона”(!?).

На федеральном информационном фронте неявно реализовывалась установка по созданию негативного образа всего, что связано с Северным Кавказом, в особенности с Чечней, начиная с 90-х годов. Сознательно фальсифицировались факты и статистика. Способы манипуляций – применялись самые разнообразные.

Вот некоторые примеры манипуляций в СМИ:

1. Непропорционально большим по удельному весу в уголовной статистике доля на ТВ подозреваемых в преступлении или преступников для выходцев из Закавказья или Северного Кавказа;

2. Сознательное обобщение тех, кто является российскими гражданами по рождению (выходцы с Северного Кавказа), и уроженцев Закавказья, ныне граждан других государств;

3. Акцентированные внимания телезрителей на этническом признаке подозреваемого в преступлении или самого преступника, когда речь идет о, так называемых, “лицах кавказской национальности”. Подозреваемый или преступник, обязательно “азербайджанец”, “дагестанец” или “чеченец”, если речь идет о выходцах с Кавказа.

На уровне подсознания, такая манипуляция закрепляет образ преступника-кавказца, которому даже квартиру сдавать опасно.

Реальная же статистика, сгруппированная и проанализированная экспертами из ЦЭМИ РАН, к удивлению многих показала, что среди субъектов РФ республики Северного Кавказа имеют самый высокий рейтинг по целому ряду показателей. Это и качество “человеческого материала”, включая и чрезвычайно низкий уровень преступности, и социальная сфера, уровень социализации и др.

Параллельно с антикавказской направленностью в федеральных СМИ явственны мотивы демонизации ислама.

С конца 90-х годов прошлого века негативные стереотипы в отношении ислама внедрялись методично и настойчиво, педалируя тему “ваххабизма” и так называемого “исламского” терроризма.

Идеи радикального “ваххабизма”, разделяемые весьма узким меньшинством мусульман региона, преподносятся как органическая и чуть ли не единственно возможная идеология и практика этой религии, системы его мировоззрения и политических ценностей.

Причем сознательно избегают говорить о том, что ислам не имеет ничего общего с радикальными интерпретациями “ваххабитов”, с терроризмом и категорически запрещает насилие против мирных граждан. Замалчивается также реальная практика функционирования ислама среди подавляющего большинства российского мусульманского сообщества; пнастроенного патриотически и законопослушного.

Наиболее полную характеристику целенаправленного характера исламофобии в России и странах СНГ приведена в исследовании Мюриэль Эткин, профессора университета им. Д.Вашингтона (США). “Намерение Москвы навязать гражданам своей страны восприятие ислама... исключительно как надвигающуюся угрозу, – пишет М.Эткин, – буквально проиллюстрировано на страницах книги об исламе, вышедшей огромным (100000) тиражом. (Речь идет о книге И.Жданова и А.Игнатенко “Ислам на пороге XXI в.” – Авт.). Она начинается серией фотографий, на одной из которых отрубает голову жителю Саудовской Аравии. Под ней саркастическая подпись на тему о том, как в Саудовской Аравии гордятся своей принадлежностью к исламу”.

Он цитирует, также российских политиков (президент Чувашии, Н.Федоров) и известных экспертов (профессор Л.Сюкияй-

нен). Они предостерегают от широких (негативных) обобщений относительно ислама и практики двойных стандартов в отношении мусульман России, заметных среди определенной и влиятельной части федеральной власти⁶.

Становится все более очевидным, что и в первом (ксенофобском) и во втором случаях эта политика имеет конкретных заказчиков на уровне информационной и части экономической элиты страны. Неоднократные обращения лидеров духовных управлений России к федеральным властям с просьбой положить конец антиисламской пропаганде остаются пока без результата.

Судебные иски отнимают массу времени и нервов, как это случилось с иском к газете “Известия”, по поводу откровенно анитисламских памфлетов некоего Олега Осетинского (октябрь 2001 г.) и “православного” профессора Московской духовной академии и телегероя в одном лице А.Кураева.

Откровенное невежество и плохо скрываемая ненависть к исламу “профессора” Кураева и Осетинского, столь разрекламированные в либеральных СМИ, наталкивает на мысль, что эти два персонажа представляют собой “коллективное бессознательное” и чаяния всей когорты отечественных исламофобов. Это те, кто тесно связан с антиинтегративной системой внутри страны, имеющей провокационный и разрушительный характер.

В информационной политике четко проявляется тенденция, которую никак нельзя интерпретировать как беспристрастную, ответственную и интеграционную. Она четко ассоциируется с тенденциозностью, установкой на раскол российского общества по “живому” и отчуждение как 20 млн. российских мусульман, так и населения Северного Кавказа от России.

“Правоохранительная” практика и признаки перерождения

Общую противоречивую картину политики ФЦ дополняет “правоохранительная” (слово не случайно взято в кавычки) практика.

Это дактилоскопические процедуры и постоянные проверки документов в городах России у выходцев с Северного Кавказа. За этим следуют вымогательства, дискредитирующее саму идею легитимности власти в России, а также милицейские “наезды” на северокавказский бизнес и т.д.

В регионе же получило широкое распространение практика преследования со стороны “правоохранительных” структур мусульманских общин и прихожан мечети по самому факту выраженной исламской идентичности (или) по подозрению в наличии “ваххабитских” материалов. Местными органами МВД на вооружение, нередко, берется принцип “презюмции виновности”, когда только “чисто” по внешним признакам арестовываются десятки и сотни прихожан той или иной мечети. Правда, большую часть арестованных около мечетей освобождают, но, как правило, здесь не обходится без соответствующей мзды. По заявлению милицейских чинов из КЧР и КБР, им спускают “сверху” план по ваххабитам.

Разумеется, такая практика – это не индикатор “глупости” федеральных чиновников, а скорее сознательная провокация с далеко идущими последствиями. Новые главы республик в Дагестане и Кабардино-Балкарии уже неоднократно намекали о деструктивном характере такой “правоохранительной” политики. Но кардинально ситуация пока не изменилась.

Как заявляли участники круглого стола (29 июня 2005 г., Москва), ссылаясь на данные известного журналиста и депутата А.Хинштейна, около 90% дел, связанных с

экстремизмом и терроризмом, возбуждаемых в отношении российских мусульман, являются сфабрированными. Такая оценка происходящего в регионе отнюдь не является преувеличением. Достаточно просмотреть материалы прессы и Интернет-сайтов, где приводятся ужасающие цифры бессудных расправ и бесследных исчезновений многих тысяч молодых людей в регионе⁷.

Вот, что говорил в интервью, взятом летом 2005 г. один из лидеров мусульманской общины в КБР, М.Мукожев: “Мы до последнего пытались увещевать общину, чтобы развитие ислама в регионе происходило в законных рамках, но дело в том, что этих законных рамок не существует. Тогда о чём говорить, к чему призывать? К соблюдению закона? Так кругом беззаконие! Мы имели возможность встретиться непосредственно с руководством республики. Мы заявили, что нам с большим трудом удаётся удерживать людей от сопротивления. И были в шоке, когда вице-премьер, прокурор и главный милиционер республики в один голос нам ответили: “А кто вас просит удерживать? Это не в ваших функциях – удерживать!”. А мы то считали, что сохранение мира в республике – гражданский долг каждого её жителя”⁸.

Ему вторил другой, вполне “вписанный” в Систему руководитель Института исламских исследований КБР и лидер местного отделения движения “Русское исламское наследие”, Руслан Нахушев, который сказал: “...проблемы – (мусульман в КБР – Авт.) – можно условно объединить в четыре группы: 1 – массовые нарушения прав мусульман правоохранительными органами (фактически антиисламский экстремизм местных властей); 2 – религиозное невежество большей части молодых мусульман; 3 – дискриминация по религиозному признаку на работе, в учебных заведениях, в обществе и семье; 4 – масштабная безработица и низкий уровень жизни. Исходя из этих проблем, мы и будем планировать наши действия”⁹. Во время октябрьской трагедии в Нальчике он резко осудил выступление экстремистов, но бесследно исчез в “недрах” силовых структур

республики. Такова информация к размышлению.

Аналогичная практика бессудных расправ наблюдается и в Дагестане. Многочисленные свидетельства такой практики за последние годы приводятся в целом ряде материалов местных экспертов и журналистов. Наиболее точную характеристику происходящего в республике дал мэром Хасавюрта С-П. Умаханов.

На вопрос корреспондента газеты: "А какие существуют политические мотивы ухода молодёжи в подполье?". Он ответил: "Команда Путина – это те люди, которые хотят навести порядок и в Дагестане, и на

Северном Кавказе... А есть другая команда, и в этой команде тоже есть и члены администрации Президента, и правительства России, и генералы. Во всех структурах есть у них свои люди. Эти люди от имени Путина всё, что делается хорошо Президентом страны, опошляют. Они делают так, чтобы народ озлобить и дестабилизировать обстановку. И в Дагестане есть генералы, которые специально, незаконными действиями хотят натравить нашу молодёжь, наше население против нашего государства, против нашего Президента. Специально озлобляют народ"¹⁰. Он же указал на то, что "противозаконной деятельностью занимаются прикомандированные из российских областей части внутренних войск МВД и силовые структуры из Чечни.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Для Федерального центра актуально формирование цельной и непротиворечивой политики, которая была бы направлена на *интеграцию* всех групп населения региона в общероссийскую жизнь и нейтрализацию раскола и отчуждения в обществе. Необходимо тщательное разведение понятий "терроризм" и "ислам" в информационном пространстве, изоляция в политико-психологическом плане лагеря "непримиримых" в Чечне.

Еще более актуальная задача заключается в том, чтобы провести основательную ревизию методов борьбы с терроризмом, в которой налицо целый ряд признаков симбиоза и взаимодействия с манипулируемым террором.

Деструктивная практика политторга с республиканскими элитами должна уступить место широкому взаимодействию с общественными структурами, гласному обсуждению кандидатур на ответственные должности в федеральных структурах в регионе.

Нужен жесткий спрос с тех силовиков и служащих МВД, которые допускают грубейшие нарушения прав человека и практику бессудных расправ.

2. Важно преодолеть информационно-политическое раздвоение между идеями подлинно единой (объединяющей народы) России, с одной стороны, и реальной практикой и противоречиями в функционировании соответствующих институтов, с другой.

При этом представляется обоснованными следующие приоритеты в контексте решаемых задач:

- информационная политика и коррекция деятельности соответствующих федеральных институтов;
- приведение в соответствие с правовыми нормами практики силовых и правоохранительных институтов в регионе;
- социально-политические меры и кардинальные реформы в деятельности институтов власти в регионе, нейтрализация коррупции и вывод из тени экономики;

– проведение в жизнь назревших социально-экономических мер и сокращение безработицы.

3. Нужно сломать негативный сценарий, связанный с каспийской нефтью и Дагестаном за счёт:

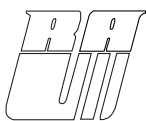
– кардинального пересмотра разрушительной практики “антитеррора” силовых структур;

– внесения поправок в ФЗ “О недрах” в той части, которая регулирует право “двойного ключа”, в ФЗ “О совместном разделе продукции” в части, регулирующей лицензионную практику.

Представляется нецелесообразным передоверить правительству РФ столь “тонкий” вопрос, как выдача лицензии даже на маленькие (25 млн. т нефти и менее) участки месторождений.

Примечания

- ¹ Толгуров Т. Российская Федерация: о политике Центра на Северном Кавказе (1994-96 гг.) // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 1.
- ² Халидов Д. Абхазская трагедия и Кавказ в большой политике // Дагестанская правда (в трех номерах газеты). 1993. Июнь.
- ³ Ивашов Л. Хоронить не спешите Россию. М.: Яуза, 2003. С. 84–85.
- ⁴ Тания Л. Президентские выборы в Абхазии и стратегические ориентиры российско-абхазских взаимоотношений // Кавказский эксперт. 2005. № 2. С. 11.
- ⁵ Халидов Д. “Конструкция” власти в республиках Северного Кавказа // Обозреватель–Observer. 2006. № 2.
- ⁶ Эткин М. Ваххабизм и фундаментализм: термины–“страшилки”. (Лексикологические изыски противников ислама) // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 1.
- ⁷ Шахбанов М. Как милиция возвращает террористов // Черновик. (г.Махачкала). 2005. № 32; Р.Хайбулаев. Почему Хасавюрт уходит в горы? // Черновик. 2005. 29 августа; Чечня. 2004. Похищения и исчезновения людей. (Материалы Правозащитного центра “Мемориал”) // www.kavkaz.memo.ru (февраль 2005); Д. Халидов. Кто “заказал” Северный Кавказ? // Северный Кавказ. 2005. № 29.
- ⁸ Москве все равно, что будет с Нальчиком. Из интервью М.Мукожева // Версия. 2006. № 1.
- ⁹ Нахушев Р. Соберу всех “ваххабитов”, чтобы обсудить цели. Интервью ИА REGNUM. 2005. 14 апреля.
- ¹⁰ Интервью мэра Хасавюрта С-П.Умаханова. Черновик. 2005. Октябрь.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
BSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail:observer@nasled.ru